

ний летописания. Он выяснил исторические предпосылки составления летописных сводов, указывал цели и движущие политические идеи их создателей.

Особенно резко этот исторический подход к анализу истории текста летописей сказался в первой большой обобщающей работе Шахматова 1900–1901 гг. «Общерусские летописные своды XIV и XV веков»¹. Тонкий анализ политической идеологии митрополичьей кафедры и состава московских летописных сводов позволил Шахматову установить тесную связь между объединением Руси и появлением общерусских по своему содержанию летописных сводов². В работах последних лет Шахматов не только пользуется историческими фактами для своих текстологических выводов, но дает новое, подчас разрушающее старое, представление о многих явлениях политической жизни Руси. Исторические построения А. А. Шахматова основаны на убеждении в сложности политической борьбы, происходившей на Руси между удельными князьями, княжествами, епископами и митрополичьими кафедрами, монастырями и т. д. Именно этой своей стороной работы Шахматова вызвали к жизни ряд чрезвычайно интересных исторических исследований³.

М. Д. Приселков развил и продолжил тенденцию к историческому подходу к летописанию. Это особенно касается его «Истории русского летописания XI–XV вв.», где создание каждого свода объяснено в тесной связи с исторической обстановкой своего времени. Однако ни А. А. Шахматов, ни М. Д. Приселков не придавали особого значения борьбе различных слоев населения и совсем не видели классовой борьбы, постоянно отражающейся в летописании. Их исторический подход к истории текста летописей был поэтому ограничен. Только советские историки летописания стали учитывать в своих исследованиях социальную борьбу: А. Н. Насонов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Я. С. Лурье и др.⁴

Использование дублировок

В результате соединения разнородного материала, касающегося одних и тех же событий, в летописных сводах могут получиться по недосмотру составителей этих сводов повторные изложения одного и того же — «дублировки». Эти повторные изложения одних и тех же событий служат важным показателем того, что в данном случае мы имеем соединение двух источников. В летописи такие повторения особенно часты, так как соединение двух и больше источников происходит не однажды, а столько раз, сколько в летописях годовых статей. Вспомним, что при соединении двух летопи-

¹ ЖМНП, 1900, № 9 и 11; 1901, № 11.

² ЖМНП, 1900, № 9. С. 91.

³ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913; В. А. Пархоменко. Начало христианства Руси. Полтава, 1913; А. Е. Пресняков. Княжое право в древней Руси. СПб., 1909, и др.

⁴ Перечисляю исследователей в порядке появления их работ по летописанию.

сей в одну материал каждой летописи как бы «расшивается» по годовым статьям и соединяется в пределах каждой статьи отдельно — «гребенкой». А так как материалы летописей часто сходны и отбор событий, заносимых в летописи, довольно определенен, то летописцу приходится часто соединять в единый рассказ два рассказа (а иногда и больше) об одном и том же. Если изложения какого-либо события очень расходятся, то естественно, что летописец может не отождествлять этого события, принять его за два разных события. В результате получается целая цепь дублировок. Впрочем, бывает и так, что одно и то же событие попадает в летописный свод дважды в один аковом или очень сходном изложении: это тогда, когда один и тот же источник, пройдя через ряд летописных сводов, затем вновь соединяется в сложном изложении, а летописец не очень внимателен. Особенno часты дублировки в тех случаях, когда об одном и том же событии рассказывается под двумя разными годами, вследствие чего дублировку очень трудно заметить. Такие случаи нередки, и в основном они получаются тогда, когда соединяется летописание двух центров, употребляющих разные календарные системы: мартовский год, ультрамартовский или сентябрьский¹. Сам по себе анализ дублировок может давать очень различные сведения, но он должен строиться с непременным условием полной их связи с другими показателями. Чем в более широкий круг вводятся показания дублировок, тем более плодотворным будет их использование для построения истории летописания.

Обратимся к примерам. Один из самых показательных примеров широкого использования данных дублировок представляет собой анализ дублировок в Лаврентьевской летописи².

¹ О системах летосчисления в русских летописях и древнерусской хронологии см. работы: П. В. Хавский. Таблицы для проверки годов в русских летописях. М., 1856; Н. И. Черухин. Календарь для хронологических справок. — Рус. старина, 1873, № 7; Д. М. Переображенков. Правила времясчисления, принятые православною церковью. М., 1880; Д. И. Прозоровский. О старинном русском счислении часов. — Труды 2-го Археологического съезда, вып. 2. СПб., 1881. С. 105—194; Н. В. Степанов. 1) Таблицы для решения летописных задач на время. — Изв. ОРЯС АН, 1908, т. XIII, кн. 2; 2) Новый стиль и православная пасхалия. М., 1907; 3) Единицы счета времени. — Чтения ОИДР, 1909, кн. 4; 4) Заметка о хронологической статье Кирика. — Изв. ОРЯС АН, 1910, т. XV, кн. 3; 5) Календарно-хронологический справочник. — Чтения ОИДР, 1917, кн. 1; Д. О. Святской. Астрономические явления в русских летописях. М., 1917; Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944; Е. И. Каменцева. Русская хронология. (Справочное пособие). М., 1960; Н. Г. Бережков. 1) Общая формула для определения дня недели по числу месяца в январских годах н. э. и в сентябрьских, мартовских и ультрамартовских годах от «создания мира». — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958; 2) Хронология русского летописания. М., 1963; А. Н. Зелинский. Конструктивные принципы древнерусского календаря. — В кн.: Контекст. 1978. Литературно-теоретические исследования. М., 1978.

² А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов. С. 17 и сл.; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. С. 64 и сл.

Вслед за «Повестью временных лет» и в Лаврентьевской летописи и в Радзивиловской читаются известия южнорусские. Южнорусские известия идут сперва непрерывно, а затем перебиваются известиями северо-восточными. С 1157 г. начинается непрерывный ряд этих последних — северо-восточных известий. Южнорусские известия обрываются на 1175 г. Только под 1185, 1186 и 1188 гг. вновь находим южнорусские известия и снова после перерыва — в 1199 и 1200 гг. Это обстоятельство навело А. А. Шахматова на мысль, что южнорусское летописание привлекалось на севере, во Владимиро-Сузdalской земле, откуда ведет свое начало Лаврентьевская летопись, не однажды, а с перерывами — три раза. Действительно, северо-восточные известия никогда не повторяются (не дублируются), а южнорусские дублируются, откуда ясно, что южнорусский материал привлекался не однажды и захватывал изложение одних и тех же событий. Одни и те же события отмечены под 1110 и 1111 гг. (поход князей на половцев), под 1115 и 1116 гг. (смерть Олега Святославича), под 1138 г. (о примирении Ярополка и Всеволода Ольговича рассказано дважды), под 1152 г. (Владимирко Галицкий дважды убегает от венгров и дважды просит мира), под 1168 и 1169 гг. (вокняжение в Киеве Глеба), под 1169 и 1171 гг. (поход Михаила Юрьевича на половцев).

Остановимся на последней дублировке подробнее. Под 1169 г. поход на половцев Михаила Юрьевича (или, как его еще называют, Михалки — опекуна малолетнего Переяславского князя Владимира Глебовича) описан подробнее, чем под 1171 г. Но рассказ 1171 г. не может считаться сокращенным пересказом первого. В нем есть подробности, которые отсутствуют под 1169 г.: указан день победы («неделя», т. е. воскресенье), указано, что Переяславцы «полон свой отъяша 400 чади и пустиша я во-свойси». Причем в одном случае победа Переяславцев приписана помощи «божией матери» (под 1169 г.), а в другом — Михалку и Всеволоду помогает бог и молитва «дедня и отня». Таким образом, оба рассказа не восходят к одному источнику, они вполне самостоятельны. Однако оба рассказа принадлежат Переяславлю Южному (Русскому). Это видно из того, что про войско Михаила Юрьевича в обоих рассказах говорится «наши», хотя состояло оно из сотни Переяславцев и полутора тысяч берендеев и, следовательно, «наши» не могло относиться к русским вообще. Отсюда можно заключить, что рассказы о походе Михаила Юрьевича составлены в обоих случаях на основе материалов Переяславля Южного. Это заключение подтверждается и другими дублировками. Однако, как мы уже видели, привлечена была не одна летопись дважды, а две разные, при этом излагавшие одно и то же событие под разными годами. Предполагаем, — это предположение подтверждается анализом других дублировок Лаврентьевской летописи, — что в рассказе о походе Михаила Юрьевича под 1169 г. использован епископский летописец Переяславля Южного (в нем победа объясняется помощью божией матери), а под 1171 г. — княжеский летописец Переяславля Южного (в нем победа объясняется княжой родовой полуязыческой мо-

литвой «дедней и отней»¹. Характерно, что оба летописца имели разные летосчисления и различие между ними достигало иногда двух лет².

Важно отметить, что княжая летопись Переяславля Южного отразилась также и в составе Ипатьевской летописи. То, что княжая летопись Переяславля Южного отразилась одновременно в Лаврентьевской и в Ипатьевской, дает надежный критерий для отделения переяславских княжеских известий от переяславских епископских в составе Лаврентьевской.

Известия епископской переяславской летописи тянутся в составе Лаврентьевской летописи только до 1175 г. Известия же княжеской переяславской летописи идут до самой смерти Владимира Глебовича (1187 г.). Это позволяет предположительно определить переяславский княжеский летописец как свод Владимира Глебовича. Действительно, переяславский княжеский летописец целиком посвящен прославлению Владимира Глебовича в его борьбе с половцами.

На основании ряда признаков М. Д. Приселков определяет два этапа владимиро-суздальского летописания: свод 1175 г. и свод 1193 г. В первом из этих сводов, как явствует из вышеизложенного, был использован епископский переяславский летописец, доведенный как раз до этого 1175 г., а во втором — княжеский летописец Владимира Глебовича. Затем княжеский летописец Переяславля Южного был использован еще два раза, но дублировок известий уже не вызвал.

Чем же объяснить, что владимирское летописание во всех известных своих сводах с таким поражающим нас сейчас упорством обращалось к летописанию Переяславля Южного? Ответ на этот вопрос сложен. М. Д. Приселков посвящает этому вопросу несколько чрезвычайно интересных страниц своего исследования «Лаврентьевская летопись (история текста)³. Он обращает внимание на самые отношения владимирских великих князей к Переяславлю Южному, который являлся главным оплотом политики владимирских князей на юге Руси, на династические связи с переяславскими князьями Мономаховичами, на традиции Мономашьего летописания, перешедшие в Переяславль Южный с третьей редакцией «Повести временных лет» через сына Владимира Мономаха — Мстислава, на епископскую кафедру Переяславля Южного, которую одно время занимал Сильвестр, бывший перед тем игуменом Выдубицкого монастыря и перерабатывавший «Повесть временных лет» (от Сильвестра сохранилась и известная запись в Лаврентьевской летописи под 1116 г.). К этому можно добавить особую осведомленность в общерусских делах книжников Переяславля Южного, первым принимавше-

¹ На эту княжью полуязыческую молитву к предку впервые обратил внимание С. М. Соловьев (История России. Изд. 2-е, кн. I. С. 78, примеч. 5). Подробнее о ней см. в статье В. Л. Комаровича «Культ Рода и Земли в княжеской среде XII века» (ТОДРЛ, т. XVI. М.; Л., 1960).

² Вопрос о летосчислении в Древней Руси особый, и мы его здесь не затрагиваем

³ Учен. зап. Лен. гос. ун-та, 1939, № 32. Сер. исторических наук, вып. 2. С. 95 и сл.

го на себя удары степных кочевников и где поэтому были особенно заинтересованы в единстве Руси и внимательно следили за движениями степных народов и за событиями в русских княжествах.

Мы видим, таким образом, что объяснение текстологических особенностей ведет нас очень далеко в глубь исторических событий.

Дублирование рассказа об одном и том же событии не всегда легко бывает узнать — не только летописцу, но и современному исследователю. События могут быть сами по себе сходны, рассказываться с различными подробностями, по-разному оцениваться: все это крайне затрудняет их отождествление. Трудно, например, иногда решить: имели ли место два похода на половцев или это два рассказа об одном и том же походе; дважды ли принимал князь послов или только один раз и т. д. Есть, однако, события, которые по самой своей природе не могут повторяться: смерть, рождение, крещение и пр. Поэтому, если в летописи дважды записана смерть того или иного лица, рождение, посажение на стол в своем княжестве и некоторые другие, — это верный признак соединения разных источников. Так, например, если мы внимательно прочтем в Лаврентьевской летописи рассказ о взятии Владимира Батыем в 1237 г., мы увидим, что в рассказе этом дважды умирает князь Юрий Всеволодович, дважды умирает владимирский епископ. Далее мы заметим, что и некоторые другие события этого взятия Владимира не повторялись дважды, а были дважды записаны. Ясно, что годовая статья 1237 г. соединена из двух источников. Дальнейший анализ показывает, что источники эти — один ростовский и другой явно владимирский.

Иногда дублировки получаются в летописи не оттого, что в ней оказались соединены два рассказа об одном и том же событии, а потому, что текст летописи был перебит вставкой и составитель летописи, сделав эту вставку, возобновил переписку своего основного источника, повторив уже переписанный им текст.

Так, например, в Новгородской четвертой и Софийской первой летописях под 1382 г. читается известие «преставися Михайло, отец Матфеев» два раза: сначала в летописной статье, предшествующей обширной повести о взятии Москвы Тохтамышем, а потом в статье, помещенной вслед за этой повестью. Ясно, что повторение этой летописной статьи, а в ней и домашнего известия новгородского летописца явились следствием вставки повести о взятии Москвы¹. На основании многочисленных дублировок известий в Новгородской четвертой летописи и наблюдения над их составом А. А. Шахматов делает вывод о том, что Новгородская четвертая летопись составлена на основе двух новгородских летописных сводов: Новгородской первой летописи и того обширного, сложного по составу своему свода, который послужил источником Софийской первой летописи².

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв.— ЖМНП, 1900, № 9. С. 114.

² Там же. С. 103.

Пользование дублировками для исследования происхождения того или иного рассказа летописи встречается в работах о летописи М. П. Погодина, И. И. Срезневского, Д. И. Прозоровского и др. Однако только А. А. Шахматов внес новое в самый принцип исследования дублировок. Отказавшись от эпизодических наблюдений летописного текста отдельных его годовых статей вне зависимости от других, А. А. Шахматов стал исследовать дублировки в их совокупности и во всем летописном материале летописных списков в целом. Подобно тому как обобщения А. А. Шахматова охватывали все известные ему летописные списки, — анализ А. А. Шахматова охватывал весь текст каждого летописного списка в отдельности.

Дублировки очень типичны для летописания, и пользование дублировками — одна из самых важных особенностей его изучения. При этом отметим: не так даже сложно обнаружить дублировку, как ее объяснить, а объяснение происхождения дублировок может быть очень разнообразно¹.

В подходящих условиях дублировки встречаются и не только в летописных сочинениях. Так, например, в «Житии князя Федора Ярославского», составленном монахом Спасо-Ярославского монастыря Антонием, соединены различные источники. В частности, Антоний пользовался предшествующим анонимным «Житием Федора Ярославского» и «Повестью об убиении Батыя», приписываемой Пахомию Сербу². Из обоих этих источников он взял сведения о завоевании Руси полчищами Батыя, но соединил их неумело. В результате об этом рассказывается у Антония дважды: сначала по «Повести об убиении Батыя», а затем по анонимному житию³.

Использование списков иерархов церкви, князей, посадников, городов и пр.

В летопись очень часто включаются (особенно в начале летописей) нечто вроде указателей имен князей, епископов, городов, посадников и пр. В середине летописи могут встретиться указания — какие существуют

¹ Иногда установить причину появления дублировок оказывается весьма сложно. См., например, полемику Г. М. Прохорова и Я. С. Лурье по поводу происхождения дублировок в Новгородской Карамзинской летописи (Г. М. Прохоров. Летописные подборки рукописи ГПБ, F. IV.603 и проблема сводного общерусского летописания; Я. С. Лурье. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977. С. 165–218).

² С. П. Розанов (Повесть об убиении Батыя. — Изв. ОРЯС АН, 1916, т. XXI, кн. 1) сомневается в том, что «Повесть» эта написана Пахомием Сербом.

³ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915 С. 231.